Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://buninivan.ru/ Приятного чтения!

Личарда. Бунин Иван Алексеевич Бунин

Когда после обедни все сгрудились к подножию амвона маленькой церкви, из купола ее почти отвесно падало на толпу бледное апрельское солнце. Потушенные свечи чадили, в толпе, разнообразно пахнущей дыханием, волосами и одеждой, стало жарко. Каждому хотелось приложиться поскорее. Низкий и ладный, чернобородый, плешивый мужик, выделявшийся из толпы очень черной сермяжной поддевкой и очень белыми, толсто и аккуратно увязанными онучами, хотел пролезть прежде всех. Но священник, держа медный крест обеими руками, поднял его и смотрел куда-то через головы, а Агафья, чистая, строгая старушка из дворовых, схватила мужика за рукав. Он покраснел, рванулся, что-то заговорил, блестя сердитыми глазами.

- И слушать не хочу, не пущу не по чину, - ответила Агафья, оттаскивая его в сторону. - Я, брат, к этому глухая.
Мужик долго глядел на нее, и краска стыда, подавленного раздражения не сходила с его лица. Толпа расступилась, - и к кресту осторожно приложился миловидный молодой человек с чрезвычайно нежным румянцем, напомаженный, в голубой короткой поддевочке и с дворянским картузом в руке. После него кинулись к священнику без толку, а тот стал совать крест кому попало. Чернобородый мужик приложился все-таки раньше многих и быстро вышел в боковую дверь, за оградой же, надевая шапку, кинулся бежать по сохнущей дороге сзади барского сада.
Теплое солнце точно щурилось, улыбалось сквозь бледную апрельскую дымку в небе. В голом саду, за соломенным валом, пели дрозды, гудели пчелы, хотя кое-где, среди коричневой листвы, еще серел крепкий горбатый снежок. Агафья вышла из церкви на ту же дорогу, по которой пошел мужик, развязывая носовой платочек с меткой-короной. В платочке были куски просфоры. Она перекрестилась и на ходу стала есть, наклоняясь к ладони, боясь просыпать крошки.
Мужик ждал в конце вала, на пригретой весенней траве. Увидав Агафью, он сдвинул шапку с потного лба и, разбрасывая полы, направился прямо к ней. Агафья в страхе остановилась.

- Ты чему мою девку заучаешь? - спросил он, подходя. Ты что барину ее подводишь? А?

Агафья хотела что-то ответить, но он сгреб ее за лицо всей пятерней, зажал рот, отламывая голову. Агафья, пытаясь вырваться и крикнуть, стала давиться, пускать слюни.

- Молчи, стерва! - крикнул мужик бешеным шепотом. - Кто ей вчера гостинцев надавал и водкой напоил? Можешь ты такие греховные дела затевать?

Разжав правую руку, он левой схватил ее за шиворот, за темный платок вместе с седыми волосами, нагнул, подставил под ее лицо коленку и крепко ударил об коленку носом. Ноги Агафьи подломились, но, пока она падала, он успел перегнуть ее назад и коротко ткнуть кулаком в зубы. Агафья повалилась, боясь даже плакать. Мужик вытер кулак об изнанку поддевки и, бледный от злобы, задыхаясь, быстро пошел назад. Агафья осталась лежать, слабо и уже притворно охая, сплевывая кровь на зеленую траву, по которой, тихо жужжа, ползали еще сонные пчелы.
Квартировала она у старосты. Староста жилка другом конце деревни, на выезде. Под голой лозинкой, бросающей чуть заметную тень, у порога кирпичной избы, глядевшей на ровный выгон, на большом камне, накрытом суровой скатертью, пили водку и закусывали ситником с творогом и сметаной двое копачей, окапывавших Старостину усадьбу, и хозяйка его, Катерина, с дочерью девкой. Староста был в городе, и копачи, угощая Катерину водкой, говорили лишнее, хохотали. Девка, нарумяненная, в канареечном платье, стояла на пороге; она наелась раньше всех, но не хотела уходить и, тупо улыбаясь, хлопая белыми ресницами, слушала.

Вдруг все смолкли и подняли головы: из-за избы показался сосед, высокий белобрысый малый Гришка. Он вел Агафью, почти тащил ее, маленькую, со всклоченными седыми волосами, и жмурил глаза от смеха.

- В целости и сохранности! - сказал он, опуская ее под стеной избы на сухую глину. - Сюда, что ль, квартиранку-то вашу определить?

- Да ба-атюшки, кто ж это нос-то ей расшиб? - протянула Катерина, раскрывая и

оставляя открытым рот с творогом на языке.

Один из копачей, Демьян, низкорослый, кривоногий, с курчавой серой бородкой и широкоскулый, посмотрел на Агафью, со стоном легшую на глину, бодро играющими глазами.

- Знать, где воевала, - сказал он. - Где воевала, старуха, а?

- Вот тебе и досводничалась! - жалобно сказала Катерина. - Да кто ж это тебя, Петровна? Что ж молчишь?

Гришка, упершись руками в бока, подмигнул и качнул головой в сторону деревни.

- Карпуха Большаков, - прошептал он. - За дочь, верно.

- Значимей зеркало теперь надо, - сказал Демьян, рассеянно взглянув в зеленеющее поле, в серебристый блеск пригревающего солнца и на лозинку, на суке которой лежал его армяк. - Дашка! - крикнул он девке, стоявшей на пороге с радостно выпученными глазами. - Беги, соломки принеси, ей струшней умирать будя.

- Ступай скорей, - с притворной строгостью прибавил другой копач, Тит, гнутый, широкоплечий, с волосатым ободранным носом. - Выпей за работу, - обратился он к Гришке.

Гришка осторожно взял с краями налитый стаканчик.

- Значительная старуха, - сказал он, жмурясь от смеха и вытягивая шею, приготовляясь пить.

- Старушка дружелюбная, старая барская гнида, верная Личарда, - подтвердил Тит, разглядывая чуньки и просторные шерстяные чулки Агафьи. - Здорово земляных шмелей послухала!

- Самый разнесчастный человек! - весело прибавил Демьян. - Мы и ей сейчас поднесем... Верная Личарда, выпить хочешь? - крикнул он. - Забудь горе! Не ешь с Фомой, ешь со мной! Захмелеешь, песни зачнешь играть, танцевать пойдешь!

- Что ты ей спокою не даешь, не трожь ее, - сказала Катерина, из приличия нахмуриваясь. - Поднеси, правда. Ей, полегчает.

Демьян налил стаканчик, вынул из него толстым пальцем кусочек пробки и бережно понес Агафье, одергивая короткую рубаху на широком заду и гусем ступая на своих крепких выгнутых ногах. Подойдя, он притопнул лаптями и затряс портки. Агафья приподнялась, взяла стакан дрожащей рукой, отпила немного, сморщилась, как от уксуса, и, отирая губы, отказалась:

- Нет, не неволь. Не могу.

- Допивай, допивай! - крикнул Демьян. - Никак, нельзя!

Агафья допила и, поправляя платок, сбитый на сторону, опять тихо заплакала, сморкаясь в подол. Дашка подала ей кусок ситника.

Гришка выпил еще, поблагодарил и ушел. Агафья, не поднимая запухших глаз, плакала и ела, а Демьян бодро заговорил, вынимая изо рта трубку:

- Так-то вот и у нас была в селе такая-то Личарда, сводня, греховодница. Взяла и подвела нашему барину одну барышню из города, вроде как в управительницы. Барин у нас никуда, голова толкачом, голая, наденет круглые очки чистый филин, а до женского пола первый любитель. Ну, конечно, и улестил ее, хотел, сказывали, увековечить ее, все именье под нее подписать. А барышня попалась добродушная: развеселая, словоохотливая, так и распускает глаза на кажное слово. Что ей ни скажешь, на все дивится, радуется: "Да что ты? Да что ты?" Вроде дурочки.

- Видал я ее, - сказал Тит. - Часто, бывало, по селу хаживала, а не то по саду. Возьмет зонтик кружевной, подхватит белую юбочку - наряжалась, правда, хорошо, и юбка веяв кружевцах, - и ходит по дворам, все нет ли больных, спрашивает: "я, говорит, жалостлива и сама из бедного быта..." А то по саду с книжкой ходит. Как

захолодает, сейчас в сад. Идет с книжкой, уткнется в нее, глаза вылупит и так и жжет, только листики перевертываются.

- Верно, верно, и до чтения охотница была, - сказал Демьян. - Только приезжает, значит, к барину гость, малый молодой, должно из военных, а может, и служака какой... Человек капризный, тощий, а до баб тоже разбалован, зёл...

- Он самый и есть востряк, - сказал Тит.

- Да. Да и она уж, значит, до мужчин стала распущенная...

- Любила блудничать, - вставила Катерина.

- Любила, - подтвердил Демьян. - Такой уж природе была. А может, и сам барин был стар по этому делУ. Вынесут им, бывало, в сад под яблонку ковер, подушки, лежат и читают. Утром на станке на токарном точит всякую пустяковину, кровь себе полирует, после обеда - под яблонку. Она в одну сторону, он - в другую, так и блестит очками из травы, как змей. Покатается, покатается возле ней, да только и всего, только разбередит. А тут кстати помоложе подвернулся... Слухай да догадывайся! - весело и бодро сказал он, обращаясь к Агафье. - Дело до хорошего дойдет: "и ему отдалась до последнего дня..."

Он засмеялся, подмаргивая, и продолжал:

- Прякрасно. Значит, занялась она с ним, со служакой с этим. Идешь мимо саду, глянешь - сидит на скамейке, плачет и платочком кружевным утирается... Потом, глядь, повеселела: махнула, значит, на свою судьбу рукой, на отчаянность пошла. Мы весь сад в ту лето окапывали и все это хорошо видели. Сходбища у них была в самой их заветной беседке. Беседка была прямо хоть круглый год живи: столы, стулицы, чистота, пол под желтую одинарную краску, а по бокам черные каемки пропущены. Ну, вот они и повадились туда. Как вечер, как барин в поле, она сейчас проследует в сад, вроде как чтением заниматься, а это и есть самая сустреча их. Он, как заяц, прокрадется через задний вал - и к ней... Ну, только и от него она часто в горьких слезах выходила. Капризен был! Иду раз мимо саду, вижу, стоит в своей куртке плетеной, слюнявит платок и к руке, к маслаку прикладает, а рука в крови, - бывает, упал, содрал на валу. Брюки синие в земле и в листу... "Здравствуйте, говорю, Чеслав Викентьич!" Запустил он меня матерком и залился в беседку...

Агафья, все выжимавшая из глаз слезы, вдруг зарыдала, поднялась и, шатаясь, пошла в избу. Дашка, сидевшая на пороге с широко раскрытыми глазами и раздвинутыми коленками, кинула на нее радостный взгляд, вскочила и тоже скрылась в сенцах.

- Горе, правда! - сказала Катерина. - Он ей весь нос размял.

Демьян быстро оглянулся.

- Не горе! - быстрым шепотом сказал он. - Это я ее разжег. Ведь барышню-то она подводила!

- Да что ты! - в один голос воскликнули хозяйка и Тит.

- Сейчас умереть! Ведь она из Голицына?

- Из Голицына, из Голицына, - подтвердила Катерина. Говорит, к нам на спокой удалилась, дома дюже много врагов, завистников нажила.

- Как же, успокоится такая-то! - сказал Демьян. - Я давно об ней наслышан, ведь Голицыно-то от нас пять верст всего. Я ее сразу признал, только говорить не хотел, угостить сулилась...

- Они страшные хитрые черти, эти дворовые, - сказал Тит.

- И, значит, она самая и загубила эту самую барышню? спросила Катерина.

- Говорю же тебе - она, - сказал Демьян. - Она и все дело это совостожила. Да ты погоди, что дальше-то будет! Повалялись они, говорю, в беседке в энтой,

отделалась она, идет по дорожке, поет песню, а сама цветы рвет, хоть, правда, дюже глаза опять заплаканы. А барин-то и вот он. Бросил дрожки за садом и идет прямо к ней с плеткой. Она туда, сюда, обмерла от страха, да так и осталась на месте. Подходит он тут прямо к ней, скидывает с ней косынку кружевную с плеч, рвет, ногами топчет, скидывает брошку, рвет часы золотые на цепочке, зачал и их топтать, только стекла хрустят... Потом за нее принялся: дерет плеткой, и все по морде норовит... Избил как надо, сшиб с ног не хуже старухи этой - и поскорее прочь, домой, чтобы, дескать, от греха уйтить. Прибежал приказчик, кликнул нас, понесли мы ее в контору, а она - безо всяких чувств, лежит, как мертвая, в своем голубеньком платьице, в кружевцах, и вся лицо тоже вроде как голубая стала, альни нос блестит. Потом призывает барин кучера Никодима и кричит ему с крыльца: "Немедленно свезть ее и этого сукина сына на станцию, отыскать его немедленно, он небось в саду в лопухах хоронится. Брось их где-нибудь в страшную глубину, в пучину-яругу..." Ну, тем же вечером и оттащили ее в телеге на станцию.

- Ужли с любовником вместе? - спросила Катерина.

- Куда тебе! - сказал Демьян, поднимаясь. - Его и след простыл. Ему-то что ж! Он своего добился, обломал ей сучья-ветья, да потуда его и видели.

- Я эту историю тоже слышал, - сказал Тит, выскребывая куском хлеба остатки сметаны из чашки. - Я ее, говорю, сколько разов видал. Ее Лизаветой звали. Жидкая, прахбвая бабенка, а ничего все-таки, аккуратная. Я тогда у попа при молотилке служил. Рабочая пора, самый разгар, я сижу погоняю, а старостишкин сынишка, бедовый дьяволенок, все под привод, под лошадей лезет. Раз сказал, два сказал неймется. Я соскочил, поймал его да маленько за висчонки. Он в голос. Гляжу, бежит эта самая барышня, Лизавета, - по дороге возле гумна с собачкой гуляла, - прямо ко мне: "Как вы смеете, кричит, вас к уряднику надо. Надо с детьми гуманно обращаться..." Будь в другом месте, я бы ее кнутом шарахнул.

- Гуманно! - повторил Демьян и засмеялся, снимая с лозинки свои армяк.

Встал и Тит, перекрестился и, поклонившись хозяйке, пошел вслед за Демьяном отдыхать в ригу. Качая головой, Катерина стала собирать с камня чашки, хлеб, скатерть.

- Мамушка! - крикнула Дашка, выскакивая на порог. - Я боюся! Она пьяная, на всю избу кричит, волосы с себя дерет...

Катерина, кинув скатерть, вошла в избу. Агафья сидела на лавке и раскачивалась с сиплым воем, глядя, но ничего не видя кровавыми безумными глазами, без платка, с растерзанными седыми волосами, сизая от слез и от натуги.

- Господи, прости меня, окаянную! - сипло вскрикивала она, размахиваясь, широко крестясь и кланяясь двери. Господи, разрази меня, старую дьяволицу, холопку лютую! Ненавижу вас, мужланы дикие! - завопила она, увидав Катерину. - Ненавижу!!
Не отвечая и улыбаясь, Катерина стала тереть хрен, чтобы привести ее в чувство.
Капри. 27. 1. 1913

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://buninivan.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!